

Илья СМИРНОВ

ЧТО НАМ НЮРНБЕРГ?

Поставив в Молодежном театре «Нюрнберг» Эбби Манна, Алексей Бородин вмешался в дела нескольких богинь, помимо своей родной Мельпомены – неподкупных Фемиды и Клио, а также тех небожительниц, которые отвечают за политику. Это, наверное, Афина и Ата, причем Афина, у которой десять разных работ, часто отвлекается, и тогда креативная девушка Ата рулит политикой одна. Иначе трудно объяснить настойчивые попытки пристегнуть премьеру в РАМТе к партийному агитпропу определенной толка.

«Ситуация, схваченная более полувека назад американскими авторами и заново осмысленная нынче московским театром, попадает в Россию образца 2014 года, как в яблочко»¹. «Здесь зал замирает.

Потому что думает о том, что происходит не в Нюрнберге 47-го года, а в Москве 2014-го»².

И что же там происходит настолько ужасного, что сопоставимо с преступлениями гитлеровцев? «Открыв ай-фон, прочла, что на 13 ноября назначено заседание Верховного суда, на котором по иску Минюста будет рассматриваться вопрос о ликвидации правозащитного общества «Мемориал».

Вспоминается старый анекдот. «Доктор, вы сексуальный маньяк».

Конечно, каждый волен в своих ассоциациях, кому что «музыкой навеяло». А в спектакле Бородина (как и в любом настоящем произведении искусства) присутствуют темы общечеловеческие, имеющие отношение и к Америке, и к Германии, и к России.

¹ Каминская Н. И штрудель так хорош на вкус // Петербургский театральный журнал. <http://ptj.spb.ru/blog/ishtrudel-tak-xorosh-navkus/>

² Азишева Н. Кабаре на Туманике. http://www.snob.ru/selected/entry/82178#comment_749188

Сцена из спектакля «Нюрнберг». РАМТ. Фото С. Петрова

Театральный дневник

Об этом – общечеловеческом – мы еще поговорим. Но профессионал, если уж берется анализировать произведение, должен опираться на конкретный материал, на то, что происходит на сцене. Тем более, в данном случае перед нами судебная драма, в которой конфликты между персонажами оформлены юридически.

Итак, американцы уже в условиях Холодной войны проводят на оккупированной немецкой территории один из «дополнительных» или «последующих» Нюрнбергских процессов. Подсудимые – высокопоставленные юристы Третьего Рейха, то есть специалисты, которые отвечали за правовое обоснование его преступлений. Подробно (с вызовом свидетелей и прениями сторон) рассматриваются два эпизода из великого множества подобных.

1. Рабочий парень, сын железнодорожника-коммуниста, был приговорен нацистами к унижительной калечашей операции после того, как осмелился защищать свой собственный дом от штурмовиков.

2. Пожилой еврей был осужден на смерть, потому что его признали виновным в связи с арийской девушкой, а сама девушка, отказавшаяся дать нужные показания против еврея, отправилась в тюрьму. Как поясняет Эрнст Яннинг (при Гитлере судья, теперь сам подсудимый), «я вынес вердикт по делу Фельденштейна еще до того, как вошел в судебный зал. Независимо от улики и доказательств, я должен был признать его виновным».

Третий принципиально важный эпизод – доклад американского полковника Лоусона о том, как работали концентрационные лагеря.

Тест из ЕГЭ по театроведению. Что из вышеперечисленного

характерно для России в «подлом времени 2014 года»? Людей «неправильной» национальности отправляют в концлагеря?

Уничтожают коммунистов (либералов, анархистов, монархистов, нужно подчеркнуть)? Кого-то подвергают насильственной стерилизации? Может быть, в РФ запрещены межнациональные браки?

Для строгой объективности отметим: в деле Фельденштейна можно обнаружить современные российские аналогии, но не по тому, что было главным для судьбы Яннинга (этнос), а по другому основанию. Якобы «пострадавшей» на момент мифического «осквернения расы» исполнилось всего 16 лет. Здесь вспоминаются недавний процесс профессора Рябова (которого, слава Богу, удалось спасти)³ и вовсе печальное дело Владимира Макарова⁴. Однако сексуально-ювенальная инквизиция вовсе не является отечественным изобретением, соответствующие методики разработаны в ЕС и США, там же зафиксированы и самые дикие (за рамками не только права, но и психической нормы) примеры их реализации.

Между тем, со сцены РАМТа звучат слова, к которым злободневные ассоциации не надо притягивать за уши, они воспроизводятся в современных новостях практически один к одному, изменилась только фамилия президента, и события – не в Чехословакии.

«Герр Яннинг, вы читали, что напечатано в утренней газете?... Президент Трумэн заявил: в связи с событиями в Чехословакии необходимо укреплять военную готовность. Он выразил опасения относительно способности западных наций выжить в условиях восточной угрозы.»

³ Дело профессора Рябова <http://www.svoboda.org/content/transcript/24554106.html>

⁴ <http://delo-makarova.livejournal.com/5818.html#cutid1>

Pro настоящее

«Восточной угрозы».

То же самое, что говорил Гитлер. Борьба Востока и Запада за выживание. То же самое. Гитлер был прав.

Они еще поймут. Мы знали, что делали.

Они не смогут называть нас преступниками».

Вот как нацисты оправдываются перед судом:

«Мы были оплотом в борьбе с большевиками и оставались столпом западной культуры. И этот бастион, этот оплот, которым являлась и является ныне Германия, Запад должен сохранить...»

О достоверности реплик из спектакля можно судить, сопоставляя их с реальными высказываниями именитых нюрнбергских подсудимых. Геринг: *«Этот процесс – фарс..., когда-нибудь вы, американцы, нападёте с этими русскими, вы увидите меня и мои действия в другом свете».* Кальтенбруннер: *«Гитлер всегда подчеркивал, что если Америка действительно боролась бы за демократию, то она покончила бы с антидемократической системой в Советском Союзе».* Ганс Франк: *«Осталась только одна сила в мире, которая может одолеть Россию. Наших сил не хватило».* Гроссадмирал Дёниц, официальный наследник Гитлера: *«... Сдружество европейских наций, связанных вместе и удерживающих Россию на Востоке».* Фельдмаршал Кессельринг: *«Можно создать объединенную Европу... Англия, Франция, Германия, Испания, Италия и Греция образуют единый фронт, они будут противостоять только одному фронту – восточному»⁵.*

В «Нюрнберге» зафиксирован тот исторический перелом, когда

«западные демократии», напуганные «восточной угрозой», пересмотрели свою политику по отношению к вчерашним врагам-нацистам: «Нечего копать в этом старье, когда русские в Восточной Европе». Точнее: они вернулись к своей изначальной политике. Ведь фашизм есть не что иное, как превентивная контрреволюция.

Подчеркиваю: об этом нам рассказывает не тогдашняя газета «Правда» и не нынешнее российское ТВ, а американский драматург, оscarовский лауреат–1962. И это не его субъективная версия, а исторический факт. Нацисты после войны, несмотря на все *«родство тоталитарных режимов»*, бежали почему-то не на Восток, а исключительно на Запад, многие находили там не только убежище и защиту от судебного преследования, но и высокооплачиваемую работу по специальности⁶. Если гитлеровские юристы на соответствующем нюрнбергском процессе были все-таки осуждены, а потом помилованы, то такие профессиональные каратели, как, например, группенфюрер Р. Бангерскис или главный эксперт вермахта по антипартизанским операциям генерал А. Хольмстон не понесли даже символического наказания. Тот самый Бандера, портретами которого украшен евроинтегрированный Киев, и его немецкий куратор Т. Оберлендер тоже оказались не виноваты буквально ни в чем, включая резню еврейского и польского населения в г. Львове в 1941 г. Так, мимо проходили.

Далеко не все американцы готовы были согласиться с внезапным пируэтом высокой политики и принять подобную публику к себе в друзья.

А. Гришин – судья Хейвуд.

Фото Е. Люлюкина

⁵Голденсон Л. Нюрнбергские интервью. Екатеринбург: «У-Фактория», 2008. С. 217, 234, 66, 46, 457.

⁶Власти США выплатили нацистским преступникам миллионы долларов в виде пособий, утверждает npecca: <http://newsru.com/world/20oct2014/usa.html>

Театральный дневник

Общее внимание и персонажей на сцене, и зрителей в зале, приковано к председателю суда Дэну Хейвуду – какую позицию он займет?

Хейвуд – судья из американской глубинки, более грубый вариант – «деревенщина из Мэна». Он и сам признает: *«Нужно было хорошо порыскать по штату Мэн, чтобы вытащить такого, как я»*. Драматург все время подчеркивает, что его главный герой человек простой. *«Послушайте, сенатор, вы уверены, что мне необходимо иметь трех слуг? Я чувствую себя совершенно по-идиотски»*. Он даже не хочет, чтобы к нему обращались «сэр», просто «судья» или по имени.

На самом-то деле он очень непрост, поскольку не укладывается в схемы.

«— К какой партии вы принадлежите?»

— *Я непреклонный республиканец, который считал и считает, что Франклин Делано Рузвельт был великим человеком»*

Классический американский характер, сформированный бескрайними просторами Нового Света и приученный полагаться на себя, жить своим умом, а не по инструкции начальства. Такими были герои Фенимора Купера, Марка Твена и Джека Лондона. Герой Манна тоже свободный человек и уважает чужую свободу, например, право земляков прокатить его самого на выборах окружного суда: *«Я занимал эту должность довольно продолжительное время и вероятно надоел им»*. Он служит не букве закона, не «юридическим терминам» (руководствуясь буквой и формой, нацистов вообще нельзя было бы судить, законов своего Рейха они не нарушали), но справедливости.

Право для него неотделимо от этики (а кто сказал, что их вообще можно разделить?)

Хейвуд, которого играет Александр Гришин – с одной стороны, настоящий американец (именно такие люди сделали США великой державой), с другой – вполне общечеловеческий образец для подражания – «делать жизнь с кого» – и с каждым его появлением на сцене мы в этом все больше убеждаемся.

Вроде бы, «молодой радикал» полковник Лоусон (Степан Морозов) придерживается тех же взглядов: *«Мы, американцы, не созданы быть оккупантами, для нас это новая роль, и она нам не слишком удаётся»*. В качестве обвинителя он отстаивает их куда решительнее. Он лично освобождал концлагерь, видел собственными глазами, что там делали с людьми, и говорит генералу: *«Я привык все доделывать до конца, поэтому ни вы, ни Пентагон, ни сам Господь Бог...»*

Увы, гордая фраза оборвана на полуслове. Полковник – человек государственный. Над ним – воинская дисциплина и соображения высокой геополитики, в которых действует уже не конкретное «я», а безличное «мы»: если «мы» оттолкнем немецкую элиту, то потеряем Германию, а если потеряем Германию, то потеряем всю Европу... Поэтому в критический момент он уходит в сторону. Буквально: на самый край сцены. И там рвет свою обвинительную речь, чтобы потом произнести несколько ни к чему никого не обязывающих общих слов за все хорошее, против всего плохого.

Теперь – о художественных средствах, с помощью которых театр раскрывает нам драматические конфликты нюрнбергского правосудия.

Н. Уварова –
фрау Бертольд.
Фото. Е. Люлюкина

Pro настоящее

Стремясь дистанцироваться от строгой киноверсии Стэнли Крамера («Нюрнбергский процесс», 1961), Алексей Бородин наполнил спектакль разнообразными эффектами, трюками с переодеванием и музыкально-танцевальными номерами.

Показания свидетелей:

«Бородин сделал все, чтобы форму суда преодолеть... Вставил суд в многоплановость самой жизни, посадил обвиняемых за столы в баре, где на заднем плане американские судьи играют в бильярд, где поют и танцуют чечетку на эстраде и где карнавальная праздничность жизни вступает в диалог с памятью о смерти, преступлении и вине»⁷. «Вот слева стоит массивный стол, где сидят трое американских судей, но вот, сметенный карнавалом, он внезапно переместился вправо, или это камера документальных репортеров переехала в другой конец зала? А может, все это – только милый немецкий ресторанчик? Собственно, это он и есть. Затерянный среди шумного карнавала, где лучшие кабаре-певцы и акробаты создают ощущение качественного музыкального шоу, где артисты поют и танцуют так, что им может позавидовать какой-нибудь театр мюзикла, этот ресторанчик расширяет пространство «суда» до пространства города и мира»⁸.

Есть мнение, что именно так и надо было сегодня ставить «Нюрнберг»: «трагическое облечь в такую одежду, которая сделает легче его восприятие»⁹. Не зря же спектакль заявлен в программе как «воспоминание». Кошмар Третьего Рейха показан через «карнавальную праздничность»

и милое общение благополучных людей, не склонных обременять себя любимых ни призраками из прошлого, ни ужасами вечерних новостей (дословно: «Казни имели место, но того, что нам показывали, не было»).

Признавая, что в подобном подходе есть логика, и восхищаясь режиссерским мастерством – когда, например, действие «движением властной руки» вдруг переносится в оперный театр – я, тем не менее, позволю себе некоторые сомнения. Будучи «сермяжным реалистом», вслед за С. Крамером и В.С. Розовым (любимым РАМТовским драматургом), полагаю, что в искусстве тоже должна действовать бритва Оккама. Средства хороши постольку, поскольку способствуют раскрытию содержания. Под давлением сценической магии, я – простой зритель, деревенщина с Самогёки – порою перестаю понимать, что и с кем происходит. И готов переадресовать Алексею Бородину те претензии, которые Д.И. Писарев когда-то предъявлял своему любимому поэту Г. Гейне: «Цепь причудливых арабесков или гирлянда фантастических цветов, очень ярких, очень пестрых, очень разнообразных, но набросанных неизвестно для чего»¹⁰. Конкретный пример: почему в спектакле «Нюрнберг» одни судебные заседания проводятся в кафе, а другие – все-таки в суде?

Избыточные эффекты вступают в противоречие и со сценографией Станислава Бенедиктова (в ней как раз с максимальной достоверностью воспроизведены страна и эпоха, то представление о качестве окружающих человека вещей, которое умные люди до сих пор сохраняют в дедушкиных шкафах

⁷Изнатьева М. Нескучный суд // Независимая газета, 13.10.2014. http://www.ng.ru/culture/2014-10-13/7_nurnberg.html

⁸Карась А. История лояльности. <http://ramt.ru/press/press-play/plays-article-4445/article-641/>

⁹Тимашева М. Театральная страшица вечернего эфира с Анатолием Кузичевым, радио «Коммерсантъ FM»

¹⁰Писарев Д.И. Генрих Гейне // Собр. соч. в 4-х тт. М.: ГИХЛ, Т. 4. С. 203.

Театральный дневник

из настоящего дерева и старинных часах с боем) и с драматургией Эбби Манна. Появляясь в кафе, как в суде (или наоборот), рабочий-антифашист Петерсен (Тарас Епифанцев) активно выпивает, чокаясь и обнимаясь со своими палачами. Какой вывод мы должны из этого сделать? Что нацисты были правы, и у него действительно не все дома? Но ведь драматург не зря прописал все реплики этого персонажа таким образом, чтобы мы не сомневались: это вполне нормальный человек, разумный и с достоинством.

«— О чем еще вас спрашивали?

— Спросили, когда родились Гитлер и Гейббельс.

— Что вы ответили?

— Ответил, что не знаю и знать не хочу»

Давая показания перед американским трибуналом, Петерсен точно отмечает детали, принципиально важные не только для юристов, но и для историков, которые хотели бы объективно оценить то, что происходило в Германии в 30-е годы. *«Полицейские... сказали, что сочувствуют мне, но ничего не могут поделать... Пришла сестра подготовить меня к операции. Она сказала, что все это ужасно. Потом пришел врач, который должен был меня оперировать. Он тоже сказал, что это ужасно».*

Все говорили «ужасно» – и послушно исполняли то, что ужасно, собственными руками.

Именно Петерсен опровергает казуистику адвоката Рольфе: дескать, если бы Яннинг не занял руководящий пост, туда назначили бы кого-то другого, кто принес бы еще больше вреда. Нет, выбор не сводится к разным оттенкам

коричневого. Нужно было просто оставаться человеком.

Единственная «ненормальность» Петерсена связана с его реакцией на идиотский текст, придуманный нацистами для выявления «неполноценных» и воспроизведенный адвокатом Рольфе (Евгений Редько) уже в американском суде.

И она вполне понятна в свете того, через что пришлось этому человеку пройти.

Не могу не выразить сожаление по поводу одной сюжетной линии, которая важна для дня нынешнего, но не очень заинтересовала Стэнли Крамера в начале 60-х (можно догадаться, почему), а Алексею Бородину показалась и вовсе лишней. Как мы уже отметили чуть выше, главный герой – простой американец из глубинки и именно в этом качестве противостоит немецким аристократам, будь то профессор-правовед Яннинг (Илья Исаев) или вдова гитлеровского генерала фрау Бертольд (Нелли Уварова). На Яннинга Хейвуд изначально склонен был смотреть снизу вверх. *«Все, что написал Яннинг, интересно. Его книги – это слепок эпохи, надежд и устремлений...»* Но Яннинг сам перечеркнул свои книги, перечеркнул себя как ученого и юриста, когда встал на сторону Гитлера. И это не индивидуальная характеристика, а общая черта тогдашней немецкой элиты. Ее принципиальные разногласия с НСДАП – миф и блеф. Тот самый блеф, который положен в основу недавнего голливудского блокбастера *«Операция «Валькирия»*, а в спектакле опровергается последовательно, пункт за пунктом, юридически, исторически и художественно. Заметьте, что у Манна (и у Бородина) те немцы, которые

Pro настоящее

нашли в себе мужество противостоять нацизму – отнюдь не «сливки общества», а самые что ни на есть простые люди, «совки и ватники», выражаясь лексиконом современных снобов «с хорошими лицами». Однако действенность разоблачения в спектакле ослабляется тем, что социальные характеристики затерты, Яннинг Ильи Исаева совсем не похож на рафинированного аристократа, а «в Хейвуде, верховном судье, Александр Гришин скорее играет драму одиночества интеллигента»¹¹. Если такова задача, поставленная перед артистами режиссером, то она, по-моему, поставлена напрасно. «Одиночество интеллигента» – расхожая банальность, и, видит Бог, Хейвуд намного интереснее.

Все вышеизложенное не отменяет общей положительной оценки спектакля. Выбрав для постановки американскую судебную драму, написанную более полувека тому назад, РАМТ очередной раз продемонстрировал высочайший уровень своей репертуарной политики и, конечно, режиссуры, ведь отличать хорошую пьесу от плохой – такой же абсолютно необходимый компонент режиссерской профессии, как для плотника умение отличить прочное дерево от трухлявого. Не умеешь – значит, ты вообще не плотник (и не режиссер).

«Нюрнберг» утверждает простые общечеловеческие истины. Каждый сам выбирает между добром и злом. Не партия, нация или эпоха, а сам человек несет ответственность за конкретный поступок и определяется тем выбором, который на себя принимает. Как объяснил судья Хейвуд немецкому ученому коллеге, все то страшное,

что с вами случилось, произошло именно тогда, «когда вы в первый раз приговорили невинного к смертной казни».

«Нюрнберг» предостерегает от растворения личности в «заблудившемся инстинкте». Национализм – братская могила прежде всего для того этноса, интересы которого он берется отстаивать. В спектакле показано, что даже справедливые лозунги – против Версальской системы, за восстановление достоинства страны – в контексте этнического «псевдовидообразования» выворачиваются наизнанку и становятся ступенями вниз, к радикальному расчеловечиванию.

Так получается, что оценивая этот спектакль, я становлюсь в критическую позицию по отношению к одному из немногих московских театров, который заслуживает звания репертуарного – стационарного и действительно имеет право на бюджетное финансирование. Заранее прошу у труппы РАМТ прощения, надеюсь, что моя критика ей не повредит, а более всего был бы рад услышать аргументированные возражения. С другой стороны, согласитесь: только настоящий театр и может быть предметом серьезного обсуждения. Не предъявлять же исторические и эстетические претензии к прокатной площадке.

¹¹ Изнатьева М. Указ. соч.